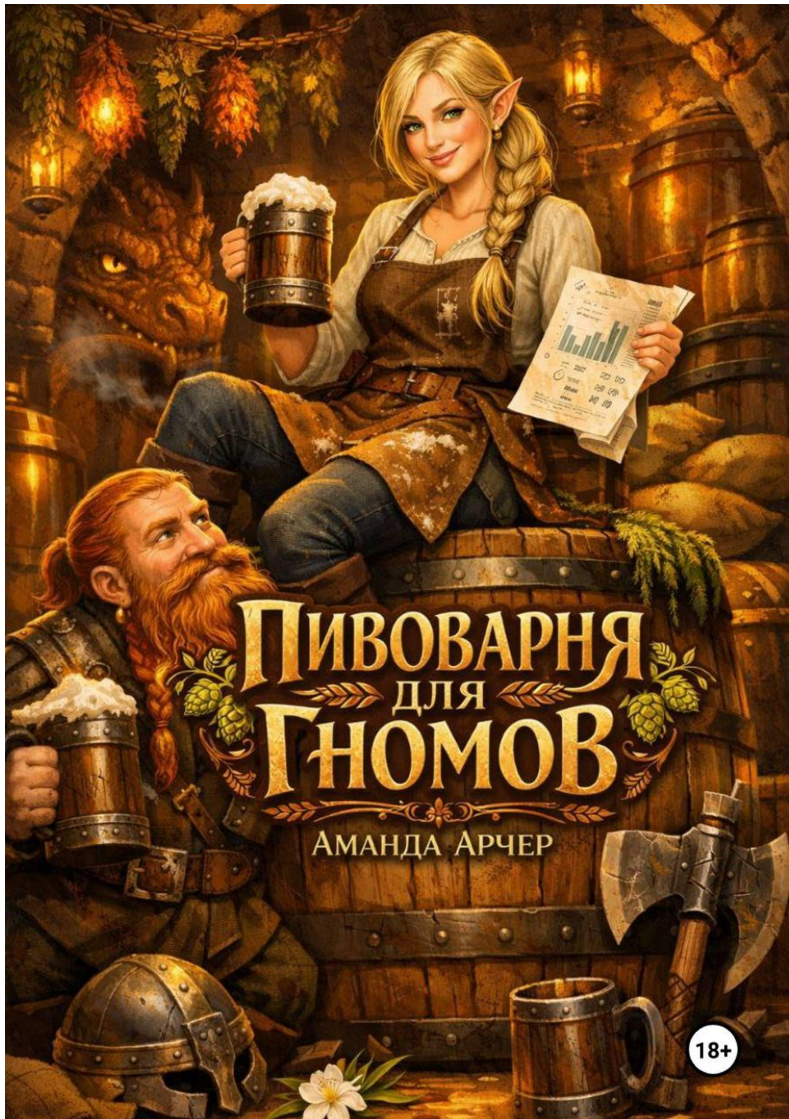

Пивоварня для Гномов

АМАНДА АРЧЕР

18+

Аманда Арчер

Пивоварня для гномов

<https://litres.ru/73527806>

SelfPub; 2026

Аннотация

Провалиться под лед нелучший способ закрыть квартальный отчет, особенно если после этого ты оказываешься в теле эльфийки в мире, где пиво варят изкамня, аместные жители считают это нормой. Чтобы выжить, Светлане нужно совершить невозможное: наладить производство, подружиться сдраконом инедать троллям съесть себя раньше, чем она успеет запустить новую линейку крафтового пива Огненная Борода.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Аманда Арчер

Пивоварня для гномов

Пролог

В бескрайних просторах мультивселенной, где миры на-
низаны на нити реальности, как бусины на бороду неухожен-
ного волшебника, существует одно незыблемое правило: ес-
ли ты идешь по улице зимним вечером, сокращая путь через
замерзший пруд, и при этом ты — успешный топ-менеджер
с незаконченным квартальным отчетом в голове и смартфо-
ном в кармане пальто от Gucci, то лед под тобой провалит-
ся с вероятностью девяносто девять целых и девять десятых
процента.

Оставшиеся ноль целых одна десятая — это те редкие
случаи, когда ты просто падаешь в холодную воду, вылеза-
ешь, болеешь две недели и пишешь злобный пост в корпо-
ративный чат о халатности коммунальных служб. Но Свет-
лане Петровне Коркиной, как вы уже догадались, не повезло
попасть именно в эти ноль целых. Вернее, ей-то повезло, но
очень специфически.

Светлана Петровна, которую за глаза (и очень редко — в
глаза, если хотели получить премию) называли «Наша Снеж-
ная Королева в „Прада“», была финансовым директором

крупнейшего пивоваренного холдинга страны. Тридцать лет, три высших образования, никаких вредных привычек, кроме привычки вкалывать по восемнадцать часов в сутки. Она умела одним взглядом заставить съежиться любого топ-менеджера, а цифры в ее отчетах ложились ровнее, чем газон перед Кремлем. Пиво она не любила. Вообще. Считала его бесперспективным, низкомаржинальным продуктом, требующим слишком больших вложений в маркетинг.

— Пиво, — говорила она на совещаниях, поправляя очки в тонкой золотой оправе, — это просто вода, дрожжи и хмель. Люди платят за бренд. А бренд — это эмоции. Эмоции я считаю в экселе. Расходы на рекламу превышают доход от лояльности потребителей на два процента. Нерентабельно.

После таких заявлений маркетологи тихо плакали в туалете, а гендиректор задумчиво крутил в руках ручку и думал о том, как же так вышло, что он боится собственного финдиректора больше, чем налоговой.

В тот вечер Светлана задержалась на работе допоздна. Квартальный баланс не сходился на три копейки, и эти три копейки не давали ей покоя, как заноза в мягком месте. Выходя из офиса, она машинально отметила, что метро работает до часу, но мороз крепчает, а такси снова подорожало. Поэтому просто решила сократить путь через пруд в парке. Лед был толстый, утки давно улетели, а под фонарями так романтично искрился снежок.

— Идеально, — пробормотала Светлана, ступая на лед каблуками, которые, по заверениям продавца, выдерживали вес любой бизнес-леди до ста килограммов. — Хотя бы вечером тишина.

Тишина продлилась ровно четыре с половиной шага.

Лед, который последние две недели нарастал с упорством, достойным лучшего применения, именно в этом месте имел коварную трещину, оставленную рыбаками-любителями, которые сверлили лунки в поисках мифической корюшки, а потом забивали на всё и уходили греться. Светлана провалилась мгновенно.

Холодная вода обожгла горло, лёгкие сжались, а в голове вместо панической молитвы пронеслась совершенно неожиданная мысль: «Ну вот, теперь эти три копейки так и останутся висеть в отчетности. А Фролов (зам по маркетингу) обрадуется, гад».

И темнота.

Но, как известно, темнота — понятие относительное. Особенно если в этот момент где-то в параллельном измерении суровая реальность дает сбой, и души людей начинают путешествовать по мирам, словно командированные сотрудники без командировочных.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, кусочками, как рассыпанный по полу конструктор, который надо собрать, но у тебя нет инструкции, а пес уже сжевал половину деталей.

Первым ощущением была боль. Но не привычная головная боль после бессонной ночи за экселем, а какая-то всеобъемлющая, разлитая по всему телу, словно её пропустили через мясорубку, а потом забыли собрать обратно. Особенно болели почему-то уши.

«Странно, — подумала Светлана, пытаюсь пошевелиться. — Уши у меня обычно не болят. Только если серьги тяжелые. Но серьги я сняла ещё в офисе».

Она попыталась открыть глаза. Веки не слушались. Тогда она решила применить метод, который всегда работал на совещаниях: мысленно приказала себе собраться и взять ситуацию под контроль.

— Я — Светлана Петровна Коркина, — произнесла она мысленно, — финансовый директор с десятилетним стажем. Я умею убеждать инвесторов, считать убытки и находить неучтенные активы даже в самом запущенном балансе. Я смогу открыть свои чертовы глаза.

Глаза открылись.

И немедленно закрылись обратно.

Потому что первое, что она увидела, был каменный пото-

лок. Низкий, неровный, покрытый какими-то зеленоватыми разводами, которые вполне могли быть светящимся мхом, а могли быть и плесенью. Светлана терпеть не могла плесень. Она считала её признаком неэффективной уборки и понижения производительности труда.

Она снова открыла глаза и медленно, очень медленно села. Или попыталась сесть. Потому что тело вело себя так, будто она никогда им не пользовалась. Руки казались тонкими, как спички, и дрожали. Грудь... Светлана машинально опустила взгляд и обнаружила, что груди практически нет. То есть она была, но такая, знаете, декоративная, как у манекена в недорогом магазине.

— Что за... — прошептала она и замерла.

Голос был не её. Тоньше, выше, с каким-то певучим акцентом, словно она всю жизнь только и делала, что пела народные песни, запивая березовым соком.

Она посмотрела на руки. Тонкие, бледные, с длинными, чуть заостренными пальцами. Ногти покрыты каким-то синим лаком, который, судя по сколам, нанесли очень давно и очень неумело.

— Господи, — выдохнула она. — Это не мои руки. Это вообще не моё.

Паника подкралась незаметно, как налоговый инспектор, и вцепилась мертвой хваткой. Светлана заставила себя дышать ровно. Раз, два, три. Она прорабатывала кризисы, спасала компании от банкротства, увольняла целые отделы од-

ним телефонным звонком. Она справится.

Она огляделась.

Помещение представляло собой нечто среднее между тюремной камерой и кладовкой для угля. Каменные стены, каменный пол, на полу — куча какой-то соломы, которая, видимо, выполняла функцию кровати. В углу стояло грубо сколоченное деревянное ведро, от которого исходил аромат, не совместимый с понятием «эффективный менеджмент». Вместо двери — тяжелая решетка, за которой виднелся коридор, освещенный факелами.

— Бред, — констатировала Светлана. — Я сплю. Это просто кошмар после переутомления.

Она ущипнула себя за руку. Рука отозвалась болью, но, что характерно, осталась такой же тонкой и бледной.

— Не сплю. Ладно. Допустим. Где я?

Вопрос повис в воздухе. Воздух был сырой, холодный и пах дымом, камнем и... вареной капустой? Светлана принялась. Да, точно капуста. И ещё что-то металлическое.

За решеткой слышались шаги. Тяжелые, ритмичные, словно кто-то бил молотом по наковальне, только медленнее.

— Эй! — крикнула Светлана. — Есть тут кто? Я требую объяснений!

Шаги замерли, потом стали приближаться быстрее. В проеме решетки показалась фигура.

Это был... человек? Светлана моргнула. Фигура была ростом примерно метр с кепкой, но в ширину — почти такая

же, как в высоту. Коренастая, мощная, с огромной рыжей бородой, заплетенной в две косички, и в кожаном фартуке, перепачканном чем-то черным. Из-под кустистых бровей на неё смотрели маленькие, но очень живые глаза.

— Очухалась, эльфийская морда? — басом спросила фигура.

Светлана открыла рот, чтобы выдать возмущенную тираду о недопустимости подобного обращения, но фигура продолжила:

— А я уж думал, ты того, дуба дашь. Ингрид, чтоб её, Златовласка. Слабая ты, как мышь подземельная. Два дня в отключке валялась.

— Ингрид? — переспросила Светлана. — Златовласка?

— А то. Забыла, что ли, как тебя величать? — фигура усмехнулась и почесала бороду. — Или совсем мозги отшибло, когда ты со стремянки грохнулась? Я ж тебя, дуру, на руках сюда тащил. Легкая, как перышко. Тьфу, позорище.

— Стремянки? — Светлана попыталась собрать информацию. — Я упала со стремянки?

— А то. Полезла книжку какую-то с верхней полки доставать, библиотекарьша недоделанная. У нас тут книжки вообще не в ходу, а ты всё со своим образованием. Гномы, говорит, должны развиваться. Тьфу, — фигура явно питала к книжкам глубокое отвращение. — Ладно, оклемалась и ладно. Вставай, собирайся. Король велел, как очухаешься, сразу тебя к нему вести.

— К королю? — Светлана почувствовала, что ситуация начинает обретать хоть какие-то очертания. Король — это власть, это структура, это, в конце концов, бюджет. — А где я вообще? И кто вы?

Фигура посмотрела на неё с неподдельным изумлением.

— Совсем кукухой поехала? Я — Бьорн. Бьорн Хитрец, помощник королевский. А ты в чертогах Сванхейма, у гномов. Третий месяц тут ошиваешься, по обмену приехала, ремеслу нашему учиться. Только толку от тебя — как от козла молока. Всё больше по углам сидишь, книжки читаешь да нос воротишь от работы настоящей. Ингрид ты, эльфийка из Лесного предела. Вспомнила хоть что-то?

— Эльфийка? — Светлана медленно поднялась на ноги. Тело покачивалось, как былинка на ветру. — Я — эльфийка?

— А то не видно? — Бьорн фыркнул. — Уши вон, как локаторы, торчат. Только толку от них — ни слуха музыкального, ни магии. Одно название, что эльфийка. Иди уже, не заставляй короля ждать, не ровен час, разозлится — отдаст троллям на опыты. У нас тут с этим строго.

Светлана машинально поднесла руку к голове и нащупала ухо. Оно действительно было длинное, заостренное кверху и почему-то очень чувствительное. Она отдёрнула руку, словно обжегшись.

— Тролли? — переспросила она слабым голосом. — Опыт?

— Ага, — весело подтвердил Бьорн, открывая решетку.

— Тролли у нас научные, любят всякую живность препарировать. Особенно эльфов. Им интересно, как у вас внутри всё устроено, раз вы такие хлипкие. Да не бойся, пока король не приказал, так что жива будешь. Пошли.

Он схватил её за тонкое запястье и потащил по коридору. Светлана едва поспевала за ним, путаясь в длинном, явно неудобном платье, которое было на ней надето. Платье было зелёное, с какими-то блестками и совершенно непрактичное для каменных полов.

— Послушайте, Бьорн, — начала она, пытаясь применить свой обычный деловой тон. — Я понимаю, что ситуация необычная. Но мне нужно... мне нужно всё обдумать. У меня была другая жизнь. Я — Светлана Коркина, финансовый директор. У меня квартира в Москве, ипотека и незакрытый квартальный отчёт. Я не могу быть эльфийкой.

— Чего? — Бьорн остановился и обернулся. — Ты это о чём? Какая ещё Москва? Ты с дуба рухнула? А, точно, ты же со стремянки грохнулась. Видать, память отшибло. Ладно, король у нас мужик понятливый, может, и не тронет сразу. Если пиво его не взбесит.

— Пиво? — Светлана уцепилась за знакомое слово. — У вас тут варят пиво?

— А то! — Бьорн гордо выпятил грудь, которая и так выдавалась вперед, как у голубя. — Мы, гномы, пиво варить — первые мастера во всех Девяти мирах. Испокон веков. Только вот в последнее время... — он почесал затылок. — Вкус

не тот. Стареем, наверное. Или хмель плохой пошел. Короче, король наш, Торвальд Каменное Плечо, сам не свой ходит. Всё ворчит, что пиво — отрава. А без хорошего пива какая ж у гномов жизнь?

Они вышли в огромный зал. Высокие своды терялись в темноте, стены были украшены резьбой по камню — сцены охоты, битвы, и, что удивительно, несколько изображений явно пьяных гномов, обнимающихся с бочками. В центре зала стоял длинный каменный стол, за которым сидело десятка два бородатых существ. Они что-то ели, громко чавкая и перебрасываясь костями. Во главе стола на массивном троне из необработанного гранита восседал самый крупный из них.

Это и был, видимо, король Торвальд.

Светлана, несмотря на шок, машинально отметила его как объект для анализа. Широкие плечи, мощная шея, рыжая борода, заплетенная в косы с золотыми кольцами, и глаза. Глаза были неожиданно светлые, голубые, и в них горел такой знакомый огонек — огонек начальника, который недоволен отчетностью и ищет, на ком бы сорвать злость.

— А, явилась, — прогудел король, не поворачивая головы. Голос у него был как камнепад — низкий, раскатистый, с хрипотцой. — Эльфийское отродье. Подойди.

Бьорн подтолкнул Светлану в спину. Она сделала несколько шагов вперед и остановилась, стараясь держать спину прямо, как учили на тренингах по лидерству.

— Ваше Величество, — начала она, — я понимаю, что ситуация...

— Молчать, — перебил король. — Я ещё не начинал. Стоишь тут, худая, уши растопырила, а пользы от тебя — как от козла молока. Помнится, Ингрид, ты приехала к нам учиться ремеслу. Так?

— Я... — Светлана замялась. — Видите ли, Ваше Величество, я не совсем та, за кого вы меня принимаете. Я — Светлана Петровна Коркина, и я...

— Плевать я хотел на твои имена, — отмахнулся Торвальд. — Ты подписала контракт. Обмен опытом. Мы тебя кормим, поим, кров даём, а ты должна работать и учиться. А что на деле? Месяц торчишь в библиотеке, нос в книги суёшь, а как доходит до дела — сразу в обморок. Вчера вот вообще со стремянки грохнулась. Работничек. Скажи спасибо, что Бьорн тебя вытащил, а то сгнила бы в библиотеке, никто б и не хватился.

Светлана открыла рот, чтобы возразить, но король продолжал, набирая обороты:

— Ты знаешь, сколько мы на тебя ресурсов потратили? Комнату выделили, солому свежую постелили, кормили три раза в день. А отдачи ноль. Ну ничего, сейчас я тебе работёнку найду. Бьорн!

— Я здесь, Ваше Величество, — отозвался гном.

— Отведи её в Нижние Шахты. Пусть породу таскает. Может, хоть там поумнеет, или спина отвалится — и то меньше

мороки. Эльфы, чтоб их...

— Ваше Величество! — Светлана повысила голос, и в зале наступила тишина. Даже чавканье прекратилось. Все гномы уставились на неё с интересом. Торвальд медленно повернул голову и уставился на неё своими светлыми глазами.

— Ты что-то сказала? — спросил он таким тоном, что любой нормальный человек немедленно извинился бы и убежал. Но Светлана Петровна Коркина не была нормальным человеком. Она была финансовым директором.

— Я сказала, Ваше Величество, — отчеканила она, стараясь, чтобы голос был не менее властным, чем у короля, — что отправлять квалифицированного специалиста в шахту — это нерациональное использование ресурсов. Вместо того чтобы тратить время на тяжёлый физический труд, где моя эффективность будет стремиться к нулю, я могу принести реальную пользу здесь, наверху.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как потрескивает факел.

Торвальд медленно поднялся с трона. Он был огромен. Светлана доставала ему примерно до пояса в этом ее новом теле.

— Ты? — переспросил он, нависая над ней. — Ты, эльфийская задохлица, будешь мне рассказывать, что рационально, а что нет? Да ты хоть молот в руках держала?

— Я держала в руках ручку, — спокойно ответила Светлана, глядя ему прямо в глаза (для этого ей пришлось запро-

кинуть голову). — И этой ручкой я подписывала контракты на миллионы. Я оптимизировала бюджеты, выводила компании из кризиса и увеличивала прибыль в разы. Если у вас тут проблемы, я могу их решить. Вам нужен не грузчик, вам нужен менеджер.

Гномы за спиной зашептались. Кто-то хмыкнул. Торвальд прищурился.

— Менеджер? — переспросил он, и в его голосе послышались нотки интереса, смешанного с изумлением. — Это что за зверь такой?

— Это тот, кто наводит порядок, — пояснила Светлана. — Судя по тому, что я вижу... — она обвела взглядом зал, заваленный объедками, с лужами пролитого пива на полу и спящим в углу гномом, который тихо похрапывал в обнимку с бочонком, — вам тут порядок очень нужен.

Торвальд медленно выдохнул. Потом вдруг усмехнулся — нехорошо так, хищно.

— Ну хорошо, эльфийка. Давай проверим твой... менеджмент. Бьорн! — крикнул он. — Веди её на кухню! Хельга Старшая как раз собиралась ужин готовить. Пусть наша гостья покажет, на что способна. Если сварешь съедобное — оставлю наверху. А если нет... — он выразительно посмотрел на дверь, за которой, по слухам, обитали тролли-исследователи. — Сама понимаешь.

Светлана сглотнула.

— Я умею готовить только бизнес-планы, — честно при-

зналась она. — И заваривать чай в пакетиках.

— Значит, научись, — отрезал Торвальд и махнул рукой, давая знак увести её.

Бьорн подхватил Светлану под локоть и потащил прочь из тронного зала, шепча на ухо:

— Ты с ума сошла? Королю перечить? Он же тебя мог прямо там... — он сделал жест, изображающий откручивание головы.

— Он мог, — согласилась Светлана. — Но не стал. Значит, ему интересно. Значит, у меня есть шанс.

— Шанс сварить съедобное у Хельги на кухне? — хмыкнул Бьорн. — Да она тебя живьём съест раньше, чем ты до котла дотронешься. У неё борода длиннее, чем у половины наших воинов, и характер — ещё длиннее. Не эльфийка, а дракон в юбке.

— Ничего, — пробормотала Светлана, поправляя сползающее с плеча дурацкое эльфийское платье. — Я и не с такими драконами дела имела. Главное — понять структуру и найти точки воздействия.

Она не знала, что ждёт её на кухне у Хельги Старшей. Но она точно знала одно: возвращаться в Москву, к незакрытому квартальному отчёту и ипотеке, она сможе не скоро. А для начала надо здесь выжить. И сварить что-то, что не убьёт короля гномов. И, желательно, не убьёт её саму.

Впереди её ждали новые открытия. Например, что гномы варят пиво из того, что обычный человек побоялся бы даже

в руки взять. И что Хельга Старшая умеет плевать огнём не хуже дракона. Но об этом — в следующей главе.

Глава 2

Кухня в чертогах Сванхейма оказалась именно такой, какую можно ожидать от места, где еду готовят существа, привыкшие дробить камень голыми руками. Это был огромный зал, вырубленный прямо в скале, с потолком, теряющимся в клубах пара и дыма. Вдоль стен тянулись каменные столы, заваленные горами продуктов, которые Светлана опознавала с большим трудом. Вот что-то, подозрительно напоминающее ногу великана. Вот корзина с грибами размером с автомобильную крышку. Вот связка лука, где каждая луковица тянула на добрых полкило.

В центре зала полыхал огонь. Нет, не так. ПОЛЫХАЛ ОГОНЬ. Очаг размером с небольшой бассейн, в котором горели целые стволы деревьев, а над ним на цепях толщиной с руку Светланы висел котел, в котором можно было бы сварить взрослого мамонта. Целиком. Вместе с бивнями.

Возле этого котла, помешивая содержимое палкой, которая больше походила на мачту небольшого корабля, стояла она. Хельга Старшая.

Светлана, повидавшая на своём виде многих грозных женщин — от налоговых инспекторов до главбухов с двадцатилетним стажем, — поняла, что все они были просто милыми котятками по сравнению с тем, что предстало перед её взором.

Хельга была ростом примерно с самого Торвальда, но в

ширину превосходила его раза в полтора. Её борода — да, у гномов тоже были бороды, и это Светлане ещё предстояло осознать — ниспадала на грудь пышным руслым водопадом, в котором, кажется, можно было заблудиться. Руки Хельги напоминали окорока, а взгляд... взгляд у неё был такой, словно она только что поймала таракана в муке и теперь размышляет, сварить его заживо или сначала раздавить.

— А, явилась, — прогудела Хельга, даже не оборачиваясь. Голос у неё был как скрежет камня по камню. — Бьорн, это та самая эльфийская поганка, что ли?

— Она самая, тётушка Хельга, — почтительно ответил Бьорн, делая шаг назад и подталкивая Светлану вперёд. — Король велел проверить её на кухне. Если сготовит что съестное — оставить наверху. Если нет — троллям.

Хельга медленно, очень медленно повернулась. Её маленькие глазки ощупали Светлану с ног до головы, задержались на ушах, потом на тощей фигуре, потом снова на ушах.

— Эта? — переспросила она с таким выражением, будто Бьорн только что предложил ей съесть сырую жабу. — Эта дохлятина будет у меня на кухне готовить? Да она ложку не удержит. У неё ручки как у младенца. Смотри, Бьорн, я её случайно в котел уроню, и никто даже не заметит разницы.

— Я постараюсь не падать, — сказала Светлана максимально спокойным тоном, хотя внутри у неё всё сжималось от первобытного ужаса. — Меня зовут Светлана. Я буду вам помогать.

Хельга уставилась на неё, явно не ожидая такой наглости. Потом хрипло рассмеялась — звук был такой, будто кто-то передвигал мебель по гравии.

— Помогать? Ты? Ну давай, помогай. Вон, — она ткнула пальцем в угол, где возвышалась гора немытой посуды, способная соперничать с Эверестом, — мой. Если не переломаешь свои эльфийские ручки.

Светлана посмотрела на гору. Там были тарелки, миски, кружки, какие-то подносы, пара котлов поменьше и, кажется, древний шлем, который тоже использовали вместо миски. Всё это было покрыто слоем засохшей еды, который нарастал, судя по всему, годами.

— Есть горячая вода? — деловито спросила Светлана.

— Чего? — не поняла Хельга.

— Вода. Горячая. Мыть посуду. И моющее средство. Хотя бы щёлок какой-нибудь.

Хельга посмотрела на неё как на сумасшедшую.

— Ты чего, эльфийка, с дуба рухнула? Вода вон в том котле, — она кивнула на другой котел, поменьше, в котором что-то булькало. — А моешь ты её... руками. Или языком, если есть хочешь. У нас тут не королевский дворец, поняла?

Светлана вздохнула. Это было даже хуже, чем она думала. Отсутствие элементарной логистики, полное пренебрежение санитарными нормами, никакого разделения труда. Кошмар менеджера.

— Ладно, — сказала она, закатывая рукава своего дурац-

кого платья. — Разберёмся.

Следующие три часа стали для Светланы самым тяжелым испытанием в жизни. Тяжелее, чем защита диплома, тяжелее, чем первые переговоры с китайскими партнёрами, тяжелее, даже чем объяснять налоговой, почему у компании убытки три года подряд.

Она мыла посуду. Горы посуды. Тысячи тарелок. Миллионы кружек. Вода была то ледяная, то обжигающе горячая, потому что Хельга то и дело подкидывала в котёл дрова, не предупреждая. Мыла не было. Тряпок не было. Приходилось отскребать присохшую кашу ногтями, которые, к счастью, оказались довольно длинными и острыми — спасибо эльфийской генетике.

Пальцы стёрлись в кровь уже через час. Спина ныла так, будто её переехал грузовик. Платье, и без того дурацкое, превратилось в грязную тряпку.

Но Светлана молчала. Она стискивала зубы и продолжала тереть, скрести, мыть. Потому что если она сдастся — её отправят в шахту. Или к троллям. А там, судя по рассказам Бьорна, там условия были ещё хуже, а посуды, скорее всего, было не меньше, просто её ели вместе с содержимым.

Хельга наблюдала за ней исподлобья. Сначала в её взгляде читалось злорадное ожидание — сейчас эльфийка сломается, расплачется и убежит. Но Светлана не плакала. Она просто работала, время от времени что-то бормоча себе под нос.

— Оптимизация процессов, — бормотала она, сортируя

посуду по степени загрязнения. — Партиями эффективнее. Сначала замочить в горячей воде, потом отскребать. Классика.

— Ты чего там шепчешь? — подозрительно спросила Хельга. — Порчу наводишь?

— Я анализирую, — ответила Светлана, не оборачиваясь. — Смотрю, как можно улучшить процесс. Например, если бы у нас была щётка с длинной ручкой и ёмкость для замачивания, эффективность выросла бы процентов на сорок.

Хельга замолчала, переваривая информацию. Потом сказала:

— Щётка? Это зачем?

— Чтобы тереть. Руками неэффективно. Пальцы стираются, производительность падает.

Хельга подошла ближе и уставилась на окровавленные пальцы Светланы. Потом перевела взгляд на вымытую посуду. Посуды было много. Очень много. Чистой.

— Ты это всё вымыла? — спросила она с ноткой недоверия в голосе.

— Ага, — Светлана кивнула на гору чистых тарелок, которые аккуратными стопками стояли на соседнем столе. — Осталось ещё примерно столько же. И вот этот шлем. Я не уверена, что это вообще посуда, но раз вы из него ели...

— Ели, — подтвердила Хельга. — Это шлем моего деда. Он им очень гордился. Пока не умер.

— Сочувствую, — машинально сказала Светлана. — От

чего умер?

— Подавился, — вздохнула Хельга. — Как раз из этого шлема ел. Неудачный был суп, кости попались.

Светлана моргнула, пытаясь осознать услышанное, и решила не углубляться.

— Ладно, — сказала Хельга неожиданно миролюбиво. — Давай ужин готовить. Поможешь. А то Бьорн вон уже нос воротит, голодный ходит.

— А что будем готовить? — спросила Светлана, вытирая руки о подол платья (другой тряпки всё равно не было).

— Кашу, — Хельга махнула рукой в сторону мешка размером с небольшой автомобиль. — Каменную.

— Каменную? — переспросила Светлана, решив, что ослышалась.

— Ну да. Из каменной крупы. Гномью. Самую лучшую. Традиционную. Трижды дроблёный гранит с добавлением базальтовой крошки. Пальчики оближешь, если зубы останутся.

Светлана почувствовала, что у неё начинается нервный тик.

— Послушайте, уважаемая Хельга, — осторожно начала она. — А вы пробовали когда-нибудь... ну, не каменную кашу? А, скажем, овсяную? Или гречневую?

— Чего? — Хельга нахмурилась. — Это что за эльфийская дрянь?

— Это не дрянь, это... ну, нормальная еда. Мягкая. Пи-

тательная. Её жевать не надо, она сама тает во рту.

Хельга посмотрела на неё с подозрением, но в глазах мелькнул интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.